

произведениях св. Амвросия расцветает моральная символика животных, отсутствующая в экзегезе Василия Великого, но очень популярная в средние века. Что он только не принимает за аллегория! При объяснении библейского рассказа об искушении первого человека он вместе с Филоном допускает, что змей — это лишь образ наслаждения, жена — образ чувственности, а человек обозначает интеллект (nous), который обманывается чувствами. Амвросию представляется невозможным, чтобы земной рай был каким-то определенным местом на земле; он видит в нем лишь высшую и направляющую часть нашей души (eius principale), а в орошающих его реках — благодать Божию и добродетели.

Глава II. Латинские отцы и философы

86

Когда читаешь некоторые аллегории Амвросия, то задаешься вопросом: каковы были бы его метафизические идеи, если бы он их сформулировал в явном виде? Задумаемся над его интерпретацией конечного предназначения человека, в особенности адских мук. Что такое «тьма внешняя»? Следует ли представлять ее как темницу, куда будут заключены виновные? Ни в коем случае - разве что в незначительной степени (minime). Не станем думать, что там будет скрежет зубов, или вечный жар настоящего пламени, или телесный пожирающий червь. Для Амвросия, как и для Оригена, адский огонь — это печаль, которую вызывает грех в душе виновного; червь

— это угрызения совести, которые и в самом деле точат совесть грешника и постоянно его мучают. Все эти понятия вместе с некоторыми забавными деталями эсхатологии Амвросия найдут отражение в творчестве Иоанна Скота Эриугены. Мы увидим, с каким «им материализмом» связаны эти идеи в сочинениях последнего.

Для Амвросия, имевшего в качестве примеров Оригена и Филона, свободных в толковании текстов, было истинным счастьем, что его предпочтения сосредоточились не на метафизике, а на морали. В самом деле, его главным вкладом в историю идей остается трактат «Об обязанностях священнослужителей» («De officiis ministrorum»). Вдохновляясь книгой Цицерона «Об обязанностях», Амвросий пытается извлечь из нее уроки, полезные для клира, а в некоторых случаях

— и для простых христиан. Никакие сомнения не удерживают его на этом пути. Во-первых, убежденный, что часть своих знаний греческие философы извлекли из Библии, он рассчитывает на право возврата имущества, используя положения Цицерона в пользу христиан; но особенно глубоко он намеревается трансформировать мораль Цицерона, которая по своему существу была кодексом долга человека по отношению к общине, к граду, реинтерпретировав ее как религиозную мораль, основанную на обязанностях человека по отношению к Богу. Эта христи-